
НОМО САРТИВУС

ОРТОПРАКСИЯ УПАДКА

САМИЗДАТ

2026

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Крито Микенский Homo Captivus. Ортопраксия упадка

<https://litres.ru/74314517>

SelfPub; 2026

Аннотация

Скорее, это систематизированный монолог человека, у которого от обилия терминологии и специальных формулировок голова начинает буквально распухать, но который так и не смог найти иного языка для описания окружающей катастрофы. Мы живем во времена активного бездействия: у нас есть всё, чтобы изменить мир, но он как-то сам по себе идет мимо нас.

Незавершенность — это моя данность и единственная честная форма повествования.

Крито Микенский Номо Сартивус.

Ортопраксия упадка

ЧАСТЬ

I

ИЛЛЮЗИЯ ПОРЯДКА: РОЖДЕНИЕ И СМЕРТЬ ИНСТИТУТОВ

Глава 1.

**Почему гибнут демократии и как карета
превращается в тыкву**

*Иногда хочется чтобы закон земной был ближе к закону
человеческому.*

Почему гибнут демократии? В основном потому, что рождаются нежизнеспособными - на волне лозунгов, которые опережают реальность и ничем не подкреплены. Люди могут находиться в такой эйфории от изгнания или смерти вождя, что примут что угодно за благую весть, абсолютно не вдаваясь в подробности. Если нет переходных институтов, внешней поддержки или устойчивых политических традиций, карета быстро превращается обратно в тыкву. Наверное, здесь играет роль и дефицит институционального мышления. На

деле выходит лишь яркая безвкусица, выращенная в новые краски. Люди надеются (и правильно делают), что избавятся от боли, но выбирают ошибочные, популистские лекарства. Их миллионы, и они стоят на площадях. Они не росли в условиях повседневной демократии, их этому не учили, а уж о компромиссах и говорить не стоит.

Алексис де Токвиль (*«Демократия в Америке»*): О том, как равенство и комфорт делают людей пассивными, и они сами ищут «мягкого деспота». Равенство каждого другому создает отсутствие лидерства, а соответственно, инициативы, предводительства, представительства и возможности отреагировать на тех, кто захочет равенство, эгалитаризм, равенство политическое возможностей, прав и свобод подорвать для других и подначить в этом деле остальных. Комфорт же не закрепляет развитость и удовлетворенность политическим режимом лишь в материальных благах для большинства населения, и те сами не заметят, как им вместе с продуктплейсментом подсунут процессы секьюритизации.

Почему вообще гибнут демократии? Потому что в таких условиях они в принципе смогли родиться. Свобода подобна крепкому алкоголю, которым легко подавиться. Отсюда и откаты к исходной точке - туда, где подобные общества вынуждены оставаться, расплачиваясь за свои ошибки.

В контексте Веймарской республики 1933 года, несмотря на её конституционно закрепленный демократический статус, был принят "Закон о чрезвычайных полномочиях",

который де-факто привел к концентрации власти в руках Адольфа Гитлера. Этот юридический акт, формально направленный на преодоление политического кризиса, фактически подорвал основы правового государства, обеспечив легитимную платформу для авторитарного правления.

Последствия этих событий для граждан Веймарской республики оказались катастрофическими, что подчеркивает важность наличия устойчивых институциональных механизмов, препятствующих злоупотреблению властью. В современных демократических государствах, обладающих развитыми институциональными структурами, существует значительно меньше возможностей для дестабилизации политической системы со стороны деструктивных сил. Однако, несмотря на это, такие общества предоставляют благоприятные условия для проявления интеллектуального и профессионального потенциала образованных и компетентных индивидов, способных вносить конструктивный вклад в развитие общества и государства.

Но эта уязвимость присуща не только демократиям. Почему погибли монархии? Из-за демографической экспансии. Обществам так или иначе приходится становиться жертвами реформ, а также массовых демографических, технологических и экономических потрясений.

Странно утверждать, будто автократы приходят к власти именно поэтому, словно демократии просто позволяют им это сделать. Политический режим - это всегда результат, в

то время как демократичность, инклюзивность или прозрачность - это процессы.

«Где торжествуют серые, к власти приходят черные» - общества, не дошедшие до демократии, они именно такие, то есть никакие, радикализм, агрессивность мгновенно пожирает и сминает их, пока безынициативные индивиды дремлют в практике повседневности.

Странно задаваться вопросом, как автократии приходят к власти легально: легально к ней приходят абсолютно все, независимо от того, мирным был этот путь или нет. Легальность возникает в момент заполнения вакуума власти. И никто уже не спрашивает, что было до этого, если прямого запрета не существовало. Как мы знаем, в автократиях принято либо хвалить, либо ругать. Глубокий анализ и рефлексия там не предусмотрены.

Римский принципат Октавиана Августа - это способ сохранить видимость демократии, оставив на месте Сенат и выборы, но полностью изменив их суть. Преемственность часто используется автократами для легитимации своих действий, усыпляя бдительность защитников демократии и лишая их возможности сопротивляться в момент выборов.

В авторитарных системах преступность или девиации рассматриваются как неизбежное зло, с которым приходится считаться, но которое никогда не признают нормой. В таких обществах само понятие нормы размывается. Если о негативе и упоминают, то с массой оговорок и со ссылками на ста-

тистическую погрешность.

Государство объявляет себя верховным арбитром и гарантом безопасности, считая удержание хаоса своей главной функцией. Хаос воспринимается не как естественная часть жизни, а как враждебная стихия, которую нужно тотально контролировать и подавлять. Это и развязывает власти руки.

Точечные предсказания с задержкой в десять лет отражают всю суть оппозиции в подобных автократиях. Они, безусловно, правы и прекрасно понимают, к чему все идет. Но каждого глушит мысль: «Да ну, наши дети будут с этим разбираться», «К тому времени мы уже будем у кормушки» или «Зачем нарушать конформизм?».

Никто не смотрит на десять лет вперед, и любая власть это прекрасно осознает. Она знает, как работает теория относительной депривации, как вводить ограничения и как штамповать законы в кратчайшие сроки, пока никто не опомнился. А если люди и опомнятся, власть мгновенно создает механизмы, делающие любые действия бесполезными, - чтобы затем прикрыться либо великим триумфом, либо столь же великой трагедией.

Конформизм сделал людей теми, кто они есть: выжившими или, точнее, пережившими и бесконечно пережевывающими свой опыт. Выжили те, кто сумел адаптироваться - те, кого мы видим перед собой, как бы печально это ни звучало.

И странно ждать от этого чего-то высокопарного, когда все исторические примеры доказывают обратное: нами дви-

жут лишь жалость, инстинкт самосохранения и та слепая страсть, которую, возможно, стоит питать тридцать лет кровью, а не триста лет падалью.

Глава 2.

«Левиафан, Общественный договор и "Оседлый бандит"»

«Закон в своем сущностном предназначении выступает не просто как статичное описание, но как динамический инструмент темпоральной регуляции. Он представляет собой своего рода нормативную темпоральную огранку».

Свобода мысленного обдумывания берет начало в том, что в будущем или невозможном мы видим некое решение, сопоставимое с желанием. В дискурсе можно заметить и отказ от явно плохого, словно от знания данного объекта порушится всё остальное, иначе же нахождение его будет исчерпывающим, и воля к знаниям погаснет вместе с данным моментом.

Собственность и справедливость существовали и в договорных институтах, будь то земля раннего земледелия или община, не претендующая на суверенитет. Каждый человек наделял то или иное действие правом своего действия. Но если мы берем не упорядоченность, а войну всех против всех и право всех на всё, выходит, что все действия одинаково справедливы и несправедливы в той степени, пока не доходят до этапа развития сообщества и цивилизации.

Справедливость есть неизменная воля давать каждому человеку его собственное, а несправедливость вовсе не обязательно относится к имущественному цензу. Если все имеют право на всё, то точно так же каждый может не иметь права ни на что остальное, ибо справедливость и несправедливость не определены единственным возможным арбитром в лице государства.

Чтобы избежать абсолютной неопределенности права всех на всё, общество в конечном счете соглашается на легализованный рэкет.

Вся схоластика и все многотонные размышления о праве сводятся к фундаментальному вопросу о том, почему мы не должны совершать самоубийство, и там, где об этом говорилось подробнее и серьезнее всего, у Альбер Камю, ответа так и не найдено.

Использование денег и процесс стандартизации денежной системы представляется эволюционным шагом, обретающим черты парадоксального воплощения концепции оседлого бандита. Государство в лице этого бандита оказывается в определенной мере само ограничено и институционально заковано в им же инициированный процесс унификации денежных единиц. Стандартизированная стоимость начинает выступать в качестве мерила ценности и эквивалента для всего спектра товаров и услуг, циркулирующих в системе.

Унификация денег и унификация законов – это параллельные попытки измерить доверие в мире, где предатель-

ство заложено в саму природу института.

Обязываясь перед своими союзниками, мы не просто вступаем в область договорных обязательств, но посредством институционализированных актов волеизъявления ставим на повестку вопрос доверия и недоверия, сливая их в едва различимый синтез. Заключение договора означает не что иное, как официальное признание предположительного риска предательства со стороны контрагентов. Это создание нормативной конструкции, предполагающей, что ни один союзник не является абсолютно бесспорным гарантом соблюдения условий соглашения. Акт заключения договора есть не столько уверенность в неизбежности его выполнения, сколько утопический жест, предвосхищающий возможность неизбежного несоответствия ожиданиям. Договор – это всегда утопический жест.

Функции государства в своей идеальной модели должны быть ограничены защитой жизни и собственности граждан. Политическая мысль неизменно граничит в этих крайностях, давая бесчисленные идеологемы для того, чтобы формировать отдельные ветви размышления. Каждый вопрос запрета создает выбор режима. Люди обладают правами, которые не может нарушать ни отдельное лицо, ни группа. Но легитимность системы подрывается в тот момент, когда эти нарушения исходят от организации, от структурного подразделения самой власти. Гражданин видит в них устав, форму, кодекс и всю тяжесть вертикали, а потому поражается пося-

гательствам, идущим от тех, кто обязан охранять порядок.

«Можно сменить начальство на выборах, не убивая его», и это принципиально, ибо не может нормально развиваться то общество, в котором не гарантируется одновременная свобода подчинённых и начальствующих лиц.

Глава 3.

«Бюрократия, мягкий контроль и ядовитая самоцензура»

Деградация письменной речи происходит при тотальной самоцензуре и отсутствии смысла, когда исчезает сама нужда рассуждать о том, что ты все равно не можешь изменить, разве что ты практикуешься до иных времен. Для других это приносит индивидуальное развитие, но в публичном поле медиа превращаются в промышленный товар, который штампует заготовки, и даже их идеологические оттенки отзываются всё дальше.

Пропаганда как таковая в современном мире кажется странной и по-детски примитивной. Зачем срезать углы, если соберешь в другом месте? Власти больше не нужно тратить ресурсы на громкоговорители, когда каждый гражданин носит цензора внутри собственного черепа. Главное контролировать не то, как голосуют или как считают, а кому вообще разрешат голосовать, кого допустят и позволят ли оспаривать подобные заявления.

Современный мир функционирует на языке спецслуж-

бистской парадигмы, а не на языке институциональной легитимации, что погружает нас в глубокое заблуждение относительно параметров устойчивости и стабильности. Институциональное строительство сопряжено с тем, что каждого дисциплинируют в соответствии с отклонением от курса. У представителей ряда профессий быстро возникает инстинкт, помогающий не стать безработными. Звонок свыше уже не нужен, он слышен только показательно точно, лишь бы не забывали, а остальные сами инкрустируют эту логику в свои действия.

Самоцензура становится главным способом не потерять работу, аудиторию, а в иных случаях и голову. В таком ключе отпадает необходимость массовых репрессий. Зачем репрессировать открыто, грубо и по-варварски, если можно сделать так, чтобы все сами уже были угнетены? Никого убивать не нужно, это примитивно, всё равно никто ничего не сделает и не скажет. Те, кто подвергается давлению, идут к этому намеренно, будто бы они не знали, что за это будет. Это перестаёт быть потрясением, люди просто проверяют, можно ли в этом месте подышать свободой, вкусить её быстро и отпустить, лишь бы не заметили счастливым. Это нынче наказуемо.

Смех разрушает символический авторитет, но сохраняет практическую власть. Пока мы смеемся, мы не несём ответственности за свои и чужие ошибки. Улыбка на наших лицах возвышает нас над проблемами, потому что мы понимаем:

вмешиваться бесполезно или же другие предпочитают не замечать их. Символический или публичный авторитет авторитарных режимов – это иллюзия. Он держится не на силе, а на подчинении граждан и ритуалах лояльности.

Молчание не искажает реальность, оно создаёт другую, физическую. В этой реальности преобладает публичный голос, поэтому авторитарные силы боятся электронного голосования и других форм, которые могут освободить и объединить людей.

В отличие от средневековья, где казнь была публичным зрелищем, современная власть не ломает тела на дыбе, а дисциплинирует их через институты (школы, казармы, больницы, офисы). Власть эффективна тогда, когда человек сам начинает следить за собой, зная, что за ним могут наблюдать (Паноптикон). Казнятся люди сами на глазах у других людей, но перестают быть общественной собственностью их честь, достоинство, ибо она отсутствует у всех, все лишь в степени утраты, пока не дойдут до них. Ломать тела нет и смысла: населения много, оно этичное, городское, образованное, да и оно само скорее как атавизм, преграда. Институты власти дисциплинируют в тоталитарных обществах особенно, потому что ты их не можешь обойти практически, а в авторитарных - финансово.

Людей учат улыбку прятать, сидеть на месте, отвечать коротко, стоять ровно. Дисциплина перестает быть юридической нормой и становится физиологической механикой че-

ловеческого тела, когда движения суставов перекликаются с поступью аппарата власти.

Разделение на силовые аппараты (полиция, армия) и идеологические (школа, медиа, семья). Идеологические аппараты работают бесшумно, внушая людям, что их подчинение – это их собственный свободный выбор. Даже если это не так, в отсутствие альтернатив еще хуже, это их выбор, и, наконец, они радуются большому брату. Бесшумность наполнена куда большим звучанием для мозгов и силовой аппарат для тела.

Что касается контроля, его нельзя рассматривать как чисто политическую силу, поскольку он функционирует на пересечении множества факторов. Ключевую роль здесь играет информационная изоляция общества и процесс абсорбции мозгов, то есть нивелирование критического мышления и снижение способности к самостоятельному анализу. Контроль представляет собой не просто механическое управление поведением масс, а сложный феномен, зависящий от культурных и психологических детерминант.

Во-первых, проверяемые факты становятся второстепенными: всегда можно утверждать, что истинный смысл скрыт. Странно, что никто не задумывается о том, что государством управляют те, кто, имея доступ к информации, не желает или не может показать её общественности. Как же тогда возможны какие-то операции, если все живут в таком государственном незнании?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.